

Если врачи не помогли

Т. Шипошина

**Как
ВЫРАСТИТЬ
здорового
ребенка**

Москва
Издательство «АСТ»

УДК 616.-053.2
ББК 57.3
Ш-63

Шипошина, Татьяна.

Ш-63 Как вырастить здорового ребенка / Татьяна Шипошина. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 224 с. — (Если врачи не помогли).

ISBN 978-5-17-102954-8.

Татьяна Владимировна Шипошина — детский врач, удачно совмещающий медицинскую специальность с литературной деятельностью. Она работает в обычной детской поликлинике и помогла уже десяткам и сотням маленьких пациентов. Доброта, чуткость и глубокая вера помогают Татьяне Владимировне увидеть самую суть проблемы, найти истоки болезни и привести ребенка к исцелению, не только физическому, но и духовному, не только ребенка, но и его родителей. Ведь болезни детей очень часто берут свои истоки из проблем взрослых. В этой книге нет однозначных ответов, есть только вопросы, которые задает себе неравнодушный участковый детский врач.

УДК 616.-053.2
ББК 57.3

ISBN 978-5-17-102954-8.

© Шипошина Т.А., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

**ТЕКУЩИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК,
или ПОМИЛУЙ, БОЖЕ,
УЧАСТКОВОГО ВРАЧА**

***ЗАПИСКИ ВРАЧА,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
2001 г.***

ЧАСТЬ 1

ПРИЕМ

Снова понедельник, хмурое, серое утро. До работы двадцать минут пешком. Как раз хватает времени — три раза прочесть «Отче наш», три раза — «Богородица, дево, радуйся», один раз — Символ Веры, и иногда — на пару слов из любимого псалма: «Не дай, Боже, моему сердцу склониться в мысль лукавую, как поступают беззаконные, не дай мне вкушать сладости их...» Серафимово правило для мирян.

Спасибо тебе, Отче Серафиме, что разрешил ты читать правило — и лежа, и на ходу — тем, кто в труде, или в услужении. Так вот и я — и в труде, и в услужении.

Вот уже видно мою поликлинику, то самое место, где я нахожусь в своем труде, и в своем услужении. Я — обычный участковый детский врач, обычной подмосковной детской поликлиники.

Конечно, я не всегда была участковым врачом. Переживала и иные времена. Могу сказать, что не думала и не гадала, что в такие годы (в возрасте «выше среднего») мне придется ходить по вызовам.

Вообще, со мной часто случается то, что, казалось, не может случиться никогда. Ибо как только я скажу себе: «Никогда!», так рано или поздно это произойдет. Вот так когда-то, после института, я ска-

зала себе, что «никогда!» не буду участковым. И вот результат.

Слабо успокаивает то, что я не оригинальна. На счет «никогда не говорить «никогда».

* * *

Сколько же всего должно было произойти со мной, чтобы сейчас могла я спокойно сказать себе, идущей на участковую службу: «Спасибо, Господи, ты дал мне испытать в жизни многое, в том числе и то, чего я не хотела. Ты дал мне испробовать то, чего я не хотела никогда»

Прими из Божьих рук, прими то, чего не хотел! Прими это, как некий бутон — и, может быть, невиданной красоты цветок раскроется в твоих руках...

Но это уж, наверно, слишком — сравнить службу участкового врача с цветком. Это я переборщила! Смотри-ка, милая, там об чертополох не оцарапайся в цветнике своем!

Единственное, в чем я никогда не сомневалась, это в своем желании стать врачом. С четырнадцати лет сомнений уже не имелось.

Началось все так: я попала в хирургическое отделение нашей городской больницы. Болезнь моя оказалась не очень сложной, и достаточно скоро я встала на ноги. Долгими оставались только перевязки.

Природный инстинкт исследователя не давал мне жить спокойно. Как только на ноги встала, так начала исследовать весь хирургический корпус — и гнойную хирургию, и «чистую», и травму. Я выбирала для своих походов позднее время, когда жизнь

в отделениях уже замирала. Это чтоб никто не мог прогнать и обругать меня за путешествия в неподобающих местах.

Я исследовала черную лестницу, чердак, подсобки. Я нашла то место, где стояли «черные» каталки. Я видела, как на одной из этих каталок вывезят умершего. Я даже пробралась в операционную, воспользовавшись моментом, когда операционные сестры ушли пить чай.

До сих пор помню, как замирало мое сердце! Насколько волшебной оказалась пустая, озаренная светом луны операционная!

Однако самым любимым местом моих походов была столовая на первом этаже. Я пробиралась туда в основном после отбоя. В столовой стоял старинный буфет с маленьким зеркалом, и там горела всю ночь тусклая электрическая лампочка. Там можно было посидеть с книгой, когда в палате все уже спали. И не только посидеть! Там я впервые начала сочинять стихи, складывая свои непонятные, непослушные мысли в такие же непонятные и непослушные строчки. Странное, однако, занятие!

Я помню отражение своего лица в зеркале старого буфета. Какое это было лицо! Не то чтобы очень красивое, но такое свободное! Каким бывает лицо человека, готового постигнуть тайну? Вот таким оно и было! И много, много раз я искала в разных зеркалах моей жизни это лицо. Иногда случалось так, что я улавливала что-то подобное — но это случалось так кратковременно!

Не могу сказать, что не наблюдалось у меня больше хороших лиц. Хорошее, очень хорошее лицо оказалось в зеркале родильного дома, когда я уходила из него с первым сыном на руках. Хорошее

лицо отражалось в том маленьком зеркале в палате совсем другого родильного дома, когда я готовилась к выписке со вторым, чудом родившимся, сыном. Хорошее лицо мелькало в зеркале одного театра, когда мне исполнилось лет тридцать, и спутник мой отражался рядом. И еще бывали хорошие лица, несколько раз. Но такого, как там, в зеркале больничного буфета, не было больше никогда.

Говорят, что когда-нибудь, после смерти, мы обретем новое тело и новую жизнь. Может, это прозвучит не очень убедительно, но я бы хотела вновь обрести себя с тем, четырнадцатилетним лицом, какое я видела в зеркале старого буфета. На том самом первом этаже хирургического отделения городской больницы, в том самом маленьком приморском городке, где давно уже меня нет.

* * *

Итак, я сидела возле буфета на первом этаже рядом с приемным отделением. Вдруг тишину разбили грубые крики, мат, и тяжелые, утробные стоны.

Ситуация быстро прояснилась. Привезли мужика, который откуда-то свалился, будучи пьяным. Были слышны громкие возгласы медсестер:

— Ноги плохо двигаются! Перелом голени! Перелом позвоночника! Весь побит! Весь в грязи!

Мужика на каталке подкатили к «грязной» перевязочной. Он глухо и надсадно стонал, периодически вздыхая матом. Медсестра начала разворачивать перевязочную.

А дежурил врач очень хороший, Иван Георгиевич, очень любимый в нашем маленьком городке. Потом

он стал и заведением, и ведущим хирургом в этой больнице, а тогда он был просто хорошим молодым врачом. Но и тогда имелось в нем что-то особенное, отличавшее его от остальных. Глаза, наверное. Глаза пронзительно-голубые, такие голубые, что взгляд его трудно было выдержать — казалось, он смотрел прямо внутрь тебя. Прямо туда, в диагноз.

И вот мужик, лежа на каталке перед дверью перевязочной, просит его:

— Слышь, доктор, дай закурить!

Иван Георгиевич вытащил из кармана пачку, вставил мужику в рот сигарету, сам зажег спичку. Тут медсестра стала торопить его:

— Иван Георгиевич, заведите, перевязочная готова!

Он ей отвечает:

— Сейчас!

Мужик курит медленно. То ли пьян, то ли от боли, потому что стонет глухо. Вообще, мне кажется, что он уже протрезвел, потому что стало меньше мата, а больше простого человеческого стога.

— Иван Георгиевич, ну сколько можно! — теряет терпение медсестра.

— Подожди маленько, сейчас.

Через три минуты диалог повторяется:

— Иван Георгиевич, но ведь ночь на дворе!

— Сейчас! — Он принимает у мужика из рук окурки, гасит его и сам закатывает каталку в перевязочную.

— С Богом! — говорит Иван Георгиевич. — Поехали.

Теперь стоны мужика глухо доносятся из перевязочной, потом стихают.

Вот и вся история. Никто не видел меня, зато я видела все. Я первый раз в жизни увидела нечто,

чему практически нет названия. Потому что даже слово «милосердие» кажется каким-то деревянным. Я, собственно, никогда и не искала Этому названия. Потому что, когда есть Это, то все названия уходят на второй план.

Я ощущаю Это как некое проникновение, как некое схождение одного человека прямо в душу другого, как тот момент, когда все свое отходит на второй план — и усталость, и ночь, и даже профессионализм. А на первый план выходит тот, другой, — пусть пьяный, грязный, но человек, и человек страдающий.

Я еще не знала тогда, что Это бывает не только в больнице. Но тогда, ночью, когда я Это увидела в первый раз, я стала думать о том, что буду врачом.

Я еще тогда не знала... я не знала, как трудно бывает сохранить Это в своем сердце. И каким бедным и пустым бывает сердце, когда Этого в нем нет.

Ну, раз я вспомнила ту ночную историю, то сразу вспомнила и о другом. Работала в отделении, там, врач еще одна — Ирина Ивановна. Когда я к ней на перевязку попадала, так всегда вопила и стонала. Потому что больно она мне делала. Да еще и приговаривала, бывало:

— Ну, ты у нас нетерпеливая такая! Ну, ты же и разбалованная, совсем терпеть не умеешь!

А как к Ивану Георгиевичу попаду, так лежу молча. Вроде бы и больно, и не больно.

Он меня все нахваливает:

— Ну ты молодец! Какая терпеливая!

И вот, на перевязке, со всем пылом своего юношеского желания я говорю Ирине Ивановне:

— Ирина Ивановна, я, наверно, буду в медицинский институт поступать!

— Ты что, — говорит она, — дурочка, не вздумай!
Всю жизнь в крови да в гною копать!

На следующей перевязке Ивану Георгиевичу говорю то же самое. Он помолчал и отвечает:

— Да, — говорит, — из тех, кто сам страдал, часто хорошие врачи получаются! Только дело это трудное, смотри! Еще десять раз передумаешь!

— Нет, — говорю, — не передумаю!

— Ну а если не передумаешь, мы тебя к нам в отделение примем! Нам нужен хороший детский хирург. Давай, дерзай!

Такое было дано мне благословение.

Стихи же, написанные там, в столовой, остались. Вот они. Они посвящены Ивану Георгиевичу.

* * *

Мой доктор спокоен,
И в теплых руках
Замерзшая жизнь отогрета.
Мой доктор спокоен,
Строка дневника
И ночь, и его сигарета.

Мой доктор спокоен.
Закончился день.
Худая рука на коленях.
Мой доктор спокоен,
Как лунная тень —
Единственной лампы
без тени.

Плохо правило свое прочитала, отвлеклась. Уже на ступеньках поликлиники мысленно говорю последнюю и главную свою молитву:

— Вы, все целители именем Господним, пребудете со мной и с больными моими во весь этот день, даже тогда, когда я забываю о вас! Пусть все слова и действия мои будут больным во благо! И пусть никакая гадость не пройдет к ним через меня!

Потому что, действительно, как только прием начинается, в плотном потоке больных иногда забываешь даже, как тебя зовут. Работаешь иногда, как на автопилоте. Поэтому я и прошу заранее:

— Не оставьте меня, милые братья мои, когда я забываю о вас...

Все, я вхожу в кабинет, раздеваюсь — поехали! С Богом.

1

Текучка, текучка, текучка — может ли быть сильнее испытание человеку! Сначала в кабинет рвутся те, которых я вызвала сама. Прием утренний, надо успеть дать направления на кровь и мочу, пока лаборатория еще работает.

Потом начинают дергать двери и пробиваться «умные» и «хитрые»:

— Доктор, нам только справочку!

— Идите откладывайте карточку и заходите по очереди!

Недовольство проявляется разными способами, в зависимости от темперамента. Иногда просто фыркнут, а иногда и дверь хлопнут.

— Доктор, а справку в бассейн дадите без ребенка?

— Нет, не дам.

— Доктор, да мы здоровы абсолютно!

— Да, но вы же не хотите, чтобы с вами плавал кто-нибудь, больной грибок? И другие тоже не хотят! Поэтому я должна хотя бы живот и руки вашему ребенку посмотреть!

Аргумент действует, но с трудом. Иногда и я не выдерживаю их напора и выписываю справку не глядя. Просто во избежание бурного проявления эмоций.

Кстати, очень часто нахожу чесотку — да-да, ту самую, которую лечат как аллергический дерматит или что-то еще. Воспринимается этот диагноз тяжело, как нечто позорное. Призрак беспризорника времен Гражданской войны все еще витает над нами. Строго говоря, он и не улетал от нас никуда.

Настоящий больной, как правило, не бывает первым. И вообще, все настоящее никогда не рвется вперед, никогда не скандалит и не выпячивается. По этому косвенному признаку возможно отследить все настоящее, и не только в поликлинике.

Входит мама с мальчиком подросткового возраста. Мальчик явно заслуживает внимания. Мальчик полон, бледен, одышлив. Ему лет тринадцать, а весу — килограммов семьдесят пять. Начинаю слушать его, он прикрывает грудь, как девушка. Вообще я предпочитаю начинать слушать со спины, чтобы дать больному привыкнуть ко мне и себе дать к нему адаптироваться, составить некоторое мнение, прежде чем посмотреть больному в глаза. Тут даже это не помогло. Более того, он стоит весь потный, и покрасневший пятнами. Сердце его бешено колотится.

— Все, одевайся!

Мальчик вздыхает с облегчением. Я делаю вид, что не заметила его мучений. Отправляю мальчика

с медсестрой взвешиваться и начинаю беседовать с мамой. Мама выглядит нормально.

— Давно он такой?

— Был все время — обыкновенный, а тут — вот такая беда!

— Давно?

— Примерно за полгода.

— Скажите, в семье есть люди с подобной комплекцией?

— Нет!

— Даже среди бабушек и дедушек?

— Нет! И едим мы, доктор, совсем немного. Он ест меньше меня!

— Извините за вопрос, но он — сын своего отца?

Она несколько смущена, но отвечает:

— Да, доктор, конечно.

Мальчика надо обследовать, и чем скорее, тем лучше. Может проявиться все что угодно, вплоть до онкологии. У меня остается еще один, почти риторический вопрос:

— Почему же вы не приходили раньше?

В сущности, ответ не важен. Основная часть ответа лежит на поверхности — и отсутствие времени, и трудность уговорить подростка пойти к врачу и т. д., и т. п.

Настоящая причина лежит глубоко, лежит там, внутри, и грызается — «не тронь меня!»

Не трону, не достану. Только покажу матери рукой в ее сторону.

— Вот вам телефон эндокринолога. Вот вам все направления: на кровь, и на мочу, и на сахар, и биохимия. Вот ЭКГ. Это все, что можно сделать у нас в поликлинике. Все пройдете, и поедете к эндокринологу. Надо смотреть железы внутренней секре-

ции, надпочечники. Только не останавливайтесь, не бросайте обследование на половине дороги — пожайте мальчика своего! И обязательно — к невропатологу, обследовать головной мозг. Постарайтесь сделать все как можно быстрее. Может быть, эндокринолог вас сразу в больницу направит — будьте готовы.

Входят мальчик с медсестрой.

— Ну, все, брат, — говорю я ему бодрым голосом. — Я тут маме все рассказала. Не волнуйся, тебе можно помочь. У тебя есть еще возможность перерасти! Время еще есть — до восемнадцати лет!

Я совершенно в этом не уверена. И не вижу энтузиазма в глазах матери, что тяжелее всего.

Дай им сил, Боже, довести дело до конца.

Насчет смущения на приеме у врача есть у меня конкретное воспоминание. Уже когда я была студенткой, я сильно заболела. В приемном отделении больницы обустроены были такие кабинки, задернутые желтыми занавесками. Сажу я в этой кабинке, вся разбитая своей болезнью и болью. Приходит терапевт, мужчина, и начинает меня слушать. И тут я чувствую, что его рука начинает достаточно недвусмысленно ощупывать мою грудь. Затем он просто и беззастенчиво начинает прижиматься ко мне сзади. Трудно передать, что я чувствовала — такое унижение, такую беспомощность. Меня как бы парализовало внутри — я не могла даже закричать. Стала натягивать на себя вещи, как-то отодвинула занавеску. А он вышел из кабинки как ни в чем не бывало. Говорит: «Все в порядке, я не выслушал ничего». Еще бы он что-нибудь выслушал!

Вот такая зарубка в памяти, на всю оставшуюся жизнь.